

СОМЕРСЕТ

МОЭМ

ИГРУШКИ СУДЬБЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Сомерсет Моэм
Игрушки судьбы

«Издательство АСТ»

1947

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Игрушки судьбы / С. Моэм — «Издательство АСТ»,
1947 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-168302-3

В сборнике «Игрушки судьбы» остроумные истории сменяются пронзительными драмами, география рассказов простирается от экзотических колоний до чопорных английских гостиных, а галерея ярких персонажей охватывает как представителей высшего общества, так и людей с окраин. Но главным героем этих историй остается капризная фортуна, которая безвозвратно может изменить судьбу человека, превратив его в послушную игрушку в своих руках...

УДК 821.111-32

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-168302-3

© Моэм С., 1947

© Издательство АСТ, 1947

Содержание

Автор просит прощения[1]	6
Жена полковника[3]	8
Несостоявшиеся жизни[4]	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сомерсет Моэм Игрушки судьбы

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Автор просит прощения¹

Должен принести извинения читателю за публикацию этого тома. В начале войны я выпустил сборник рассказов под названием «По тому же рецепту» и написал к нему короткое предисловие. Я тогда занимался работой, которая требовала всего моего времени, поэтому попросил своего друга Эдварда Марша выправить корректуру. В своем письме он выразил сожаление, что я, как он узнал из моего предисловия, решил больше не писать рассказов. Я не понял, что он имел в виду, но был слишком занят, чтобы выяснять. Ни рецензий, ни самой книги я не видел до возвращения в Англию несколько месяцев спустя. И вот тут я все понял. У меня было: «Я более не намерен писать много рассказов», но по оплошности то ли машинистки, то ли наборщика, видимо решивших, что я и так уже сочинил достаточно, слово «много» выпало из текста, и осталось: «Я более не намерен писать рассказы». Я взглянул на привезенную рукопись – в самом деле, я написал *много*.

Оставалось несколько рассказов, которым не нашлось места в «По тому же рецепту», и еще несколько зрело у меня в голове, так что уже тогда я планировал в свое время опубликовать следующий том. Поэтому пусть читатели не думают, будто я сознательно ввел их в заблуждение. Даже сейчас я не могу обещать, что ничего больше не напишу, ни один писатель не может быть уверен, что в один прекрасный день его не осенит новая идея, которая захватит воображение и в конце концов усадит его за письменный стол.

Некоторые из этих рассказов написаны давным-давно, но я не стал ничего в них менять, так как не считал, что, осовременив, сделаю их читабельнее, а равно не счел необходимым в рассказе «Зимний круиз» менять национальность нескольких персонажей только затем, чтобы не вызвать нареканий со стороны тех, кто убежден, будто все граждане страны, с которой мы воюем, одинаково заслуживают ненависти; один рассказ написан во время войны, остальные – после ее завершения. Все опубликованы в журналах.

Понимаю, что, признавая это, обрекаю себя на неодобрительные отзывы критиков, полагающих, будто публикация рассказов в журнале свидетельствует об их дурном качестве. Однако подобные умозаключения критиков говорят об их недостаточной проницательности. А также о плохом знании истории литературы. Ведь с той поры, как журналы стали популярным видом печатных изданий, писатели видят в них полезное средство представить свои произведения читателю. Все величайшие писатели-рассказчики печатались в журналах – Бальзак, Флобер и Мопассан; Чехов, Генри Джеймс, Редьярд Киплинг. Будет весьма опрометчиво предполагать, что в журналах печатались только рассказы, не принятые книжными издательствами. Так что хулить рассказ только потому, что он напечатан в журнале, абсурдно. Без сомнения, в журналах печатается множество плохих рассказов, но ведь и пишется плохих рассказов гораздо больше, чем хороших, и редактор, даже в журнале с приличной литературной репутацией, зачастую вынужден публиковать рассказы, о которых он не самого высокого мнения, – просто за отсутствием других предложений. Редакторы некоторых популярных журналов вообще полагают, что запросы их читателей ограничиваются рассказами определенного типа, и не печатают никаких других; они умудряются находить авторов, готовых выдавать именно то, что им нужно, и нередко весьма неплохо на этом зарабатывают. Подобное конвейерное производство и подорвало престиж журнальных рассказов. Но, в конце концов, никто не обязан их читать. Хотя есть немало людей, кому они доставляют удовольствие, поскольку позволяют хоть ненадолго погрузиться в мир романтики и приключений, которых им так недостает в их однообразной повседневной жизни.

¹ © Перевод. И. Доронина

Однако я не могу согласиться с авторами часто публикуемых рецензий на сборники рассказов, когда они отвергают «журнальный» рассказ потому лишь, что он хорошо выстроен, имеет драматическое развитие и неожиданную развязку. В неожиданной развязке нет ничего предосудительного, коль скоро она органична для сюжета. Напротив, это превосходно. Худо только, когда, как в иных рассказах О'Генри, такая развязка притянута за уши, чтобы ошарашить читателя. Равным образом рассказ ничуть не проигрывает оттого, что сюжет его искусно выстроен, имеет начало, середину и конец. Все хорошие писатели-рассказчики стремились к этому. Лишь теперь, под влиянием неверно понятого Чехова, среди писателей вошло в моду сочинять рассказы, которые начинаются известно где и заканчиваются неопределенностью. Их авторы считают, что достаточно всего лишь описать настроение, или передать впечатление, или очертить характер. Все это замечательно, но еще не рассказ, и не думаю, чтобы такое сочинение удовлетворяло читателя. Читатель не любит, когда ему предоставляют догадываться самому. Он желает получить ответы на свои вопросы. Боятся нынче и событийности. В результате нас захлестнула лавина скучных однообразных историй, где ничего не происходит. Думаю, отчасти и за это несет ответственность Чехов, как-то в одном из писем он высказался так: «Люди не ездят на Северный полюс и не падают там с айсбергов. Они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи». Однако ж люди ездят на Северный полюс и, если даже и не падают там с айсбергов, все равно подвергаются многим опасностям, и у писателя нет причины не писать о них такие же хорошие рассказы, как о людях, поедающих щи. Но, разумеется, описания того, что они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи, недостаточно. И Чехов отнюдь не это имел в виду. Чтобы получился рассказ, такие люди должны украсть небольшие казенные деньги, убить жену или уйти от нее, да и щи они должны есть с определенным чувством и значением. Щи становятся символом либо довольства семейной жизнью, либо мучительного в ней разочарования. И поедание их может быть не менее катастрофичным, чем падение с айсберга. И столь же необычным. Чехов просто верил в то, во что по своей человеческой сущности склонны верить писатели: что лучше всего умеешь, то лучше всего и делать.

Некоторое время назад я прочел статью о том, как писать рассказы. Кое-какие советы автора казались полезными, но главный тезис, с моей точки зрения, был ошибочен. Автор утверждала, что «фокальной точкой» рассказа должно быть построение характера, а все события сочиняются, только чтобы «оживить» персонаж. Как ни странно, ранее в той же статье она отмечает, что лучшими из когда-либо написанных рассказов являются притчи. По-моему, трудновато описать характеры блудного сына и его брата, или доброго самаритянина, или «человека, павшего среди воров»². Это сугубо вымышленные персонажи, нам остается лишь догадываться, какими людьми они были, ведь мы знаем только факты их жизни, необходимые для выведения морали. Ненамного больше возможностей и у автора рассказов. Объем текста не позволяет подробно описывать характеры в их развитии, рассказчик может лишь набросать наиболее типичные черты, которые оживят персонаж и сделают историю правдоподобной. Испокон веков люди собирались вокруг костра или на базарной площади и слушали рассказчиков. Желание слушать истории, похоже, укоренено в человеческом сознании не менее глубоко, чем чувство собственности. Я – рассказчик и на большее никогда не претендовал. Мне нравилось рассказывать истории, и я рассказал их великое множество. К несчастью для меня, рассказывание историй ради самих историй не из тех занятий, что пользуются признанием у интеллигенции. Однако я стараюсь стойко переносить это несчастье.

² Первая строка стихотворения Эдварда Эстлина Каммингса (1894–1962) – американского писателя, художника, поэта и драматурга, – в котором интерпретируется притча о добром самаритянине (Лк. 10:30–35).

Жена полковника³

Все это произошло за два или три года до того, как разразилась Вторая мировая война.

Чета Пилигрим завтракала. Хотя были они одни, а стол был длинный, они сидели на противоположных концах. Со стен на них взирали предки Джорджа Пилигрима, писанные модными художниками тех времен. Дворецкий принес утреннюю почту. Несколько деловых писем, адресованных полковнику, газету «Таймс» и бандероль для его жены Эйви. Полковник глянул на письма, потом раскрыл газету и углубился в нее. Позавтракав, супруги встали из-за стола. Полковник заметил, что жена не вскрыла бандероли.

– Что там? – спросил он.

– Всего лишь несколько книжек.

– Вскрыть ее?

– Как хочешь.

Джордж Пилигрим терпеть не мог разрезать веревки и не без труда развязал узлы.

– Но они все одинаковые, – сказал он, развернув упаковочную бумагу. – Чего ради тебе понадобились шесть экземпляров одной и той же книги? – Он раскрыл одну из них. – Стихи... – Посмотрел на титул. – «Когда пирамиды рушатся», – прочел он. – Э.К. Гамильтон. – Эва Кэтрин Гамильтон – да это ж девичья фамилия его жены... Полковник посмотрел на нее с удивленной улыбкой. – Ты написала книгу, Эйви? Вот хитрюга.

– Я думала, тебе это вряд ли интересно. Дать тебе экземпляр?

– Ну, сказать по правде, поэзия не очень в моем духе, а впрочем... пожалуй, дай, я прочту. Возьму с собой в кабинет. Нынче утром у меня миллион дел.

Он взял письма, газету, книгу и вышел. Кабинет у него был просторный, уютный – большой письменный стол, кожаные кресла, на стенах «трофеи охоты», как он их называл. На книжных полках – справочники, книги по сельскому хозяйству, садоводству, рыбной ловле и охоте с ружьем, а также о последней войне: полковник был награжден тогда орденом «Военный крест» и стал кавалером ордена «За безупречную службу». До женитьбы он служил в Уэльском гвардейском полку. А в конце войны ушел в отставку, поселился миль за двадцать от Шеффилда, в великолепном доме, что построил один из его предков в царствование Георга III, и зажил помещиком. У Джорджа Пилигрима было поместье – тысячи полторы акров, он умело им управлял, был к тому же мировым судьей и добросовестно исполнял свои обязанности. В охотничий сезон он дважды в неделю охотился верхом, с собаками, отлично стрелял, играл в гольф и, хотя ему пошел шестой десяток, выдерживал напряженную партию в теннис. С полным правом он мог называть себя разносторонним спортсменом.

В последнее время он стал полнеть, но все еще отлично выглядел – высокий, голубоглазый, открытый взгляд, седые вьющиеся волосы, едва начинающие редеть на макушке, правильные черты лица и здоровый румянец. Натура общественная, он был председателем всяких местных организаций и, как человек своего сословия и положения, – верным членом консервативной партии. Он полагал своим долгом печься о благосостоянии тех, кто жил в его владениях, и со спокойной совестью доверял Эйви опекать немощных и оказывать помощь беднякам. На окраине селения он построил небольшую амбулаторию и из собственного кармана платил жалованье медсестре. От тех, кто пользовался его щедротами, он ждал только одного – чтобы на местных и всеобщих выборах они голосовали за его кандидата. Человек он был дружелюбный, приветливо держался с нижестоящими, внимательно относился к нуждам своих арендаторов и пользовался уважением мелкопоместных дворян-соседей. Он был бы рад, но и

³ © Перевод. Р. Облонская

несколько смущен, скажи ему кто-нибудь, что он отличный малый. Таким он и хотел быть. И большей похвалы не желал.

Ему сильно не повезло, что у него не было детей. В нем пропал превосходный отец, добрый, но строгий, который воспитал бы сыновей как подобает джентльмену – отправил их, знаете ли, в Итон, научил ловить рыбу, стрелять, ездить верхом. А сложилось так, что его наследником стал племянник, сын брата, погибшего в автокатастрофе, неплохой парнишка, но иной породы, да, сэр, совсем иной; и, поверите ли, дуреха мать посылает его в школу совместного обучения.

Эйви оказалась для него горьким разочарованием. Она, разумеется, истинная леди, и у нее есть кое-какие деньги; она необыкновенно хорошо ведет дом и на редкость гостеприимная хозяйка. Сельские жители ее обожают. Когда он женился на Эйви, она была прехорошеньким созданием с нежным цветом лица, светло-каштановыми волосами и складной фигуркой, здоровья отменного и неплохо играла в теннис; ну как тут понять, отчего у нее не было детей. Сейчас ей шел сорок пятый год, и она, разумеется, поблекла – и цвет лица уже не тот, и волосы утратили блеск, и худая стала, как щепка. Она всегда опрятна, одета подобающим образом, но, похоже, ей все равно, как она выглядит, – косметику она не употребляет, даже губы не красит. Но если иной раз, собираясь вечером в гости, принарядится, видно, что некогда была весьма привлекательна. А вот в повседневной жизни она... как бы это сказать... из тех женщин, которых просто не замечаешь. Славная, конечно, и жена хорошая, и не виновата, что бесплодна, а только если человек хотел иметь наследника – плоть от плоти своей, – ему крупно не повезло; жизненной энергии ей не хватало, вот в чем беда. Когда он сделал ей предложение, он, вероятно, был влюблен, во всяком случае, достаточно влюблен для мужчины, который хочет жениться и зажить семейной жизнью, но со временем он увидел, что у них совсем мало общего. Охота ее не интересует, рыбная ловля наводит на нее тоску. И они, конечно же, отдалились друг от друга. Надо отдать ей должное, она никогда не докучает ему. Не устраивает сцен. Они не вздорят. Казалось, она считает само собой разумеющимся, что он живет на свой лад. Бывает, он отправляется в Лондон, но она никогда не выражает желания его сопровождать. У него там девушка, не такая уже молоденькая, лет, наверное, тридцать пять, никак не меньше, но – блондинка, соблазнительная блондинка, к тому же стоит загодя ей протелеграфировать, и они могут отправиться поужинать, и побывать на каком-нибудь представлении, и провести вместе ночь. Да, мужчине, здоровому, нормальному мужчине непременно надо поразвлечься. Не будь Эйви так добродетельна, жена из нее получилась бы получше, промелькнуло у него в голове. Но негоже ему так думать, и он отогнал от себя эту мысль.

Джордж Пилигрим закончил с газетой и, как внимательный муж, позвонил, вызвал дворецкого и велел отнести газету Эйви. Потом посмотрел на часы. Половина одиннадцатого, а в одиннадцать встреча с одним из арендаторов. У него свободных полчаса.

«Прогляжу-ка я книжку Эйви», – сказал он про себя.

С улыбкой он взял книгу в руки. У Эйви в гостиной множество заумных книг, совсем не те это книги, которые интересны ему, но раз они ее развлекают, что ж, пусть читает. В книжке, которую он держит в руках, пожалуй, страничек девяносто, не больше. Тем лучше. Он разделял мнение Эдгара По, что стихи должны быть короткие. Но, листая страницы, он заметил, что в иных Эйвиных стихах строчки длинные, неодинаковой длины и не рифмуются. Нет, это ему не по вкусу. Помнится, в первой его школе, когда он был совсем мальчишкой, учили стихотворение, и начиналось оно так: «На горящей палубе мальчик стоял». Позднее, в Итоне, еще одно – «Дождь не шадит тебя, безжалостный король», а потом дошло и до «Генриха V» – следовало выучить половину. Он в недоумении уставился на страницы книжки Эйви.

– Нет, поэзией это не назовешь, – произнес он.

По счастью, так было написано не все. Иные страницы выглядели престранно: строки по два, три, четыре слова соседствовали со строками из десяти – пятнадцати слов, но, слава богу,

они перемежались небольшими стихотворениями, где рифмовались строки равной длины. На некоторых страницах был заголовок «Сонет», и полковник из любопытства посчитал число строк – оказалось, четырнадцать. Он их прочел. Похоже, строки как строки, вот только не очень понятно, о чем идет речь. Он мысленно повторил: «Дождь не шадит тебя, безжалостный король».

– Бедняжка Эйви, – вздохнул он.

В эту минуту в кабинет пропустили фермера, которого он ожидал, и, отложив книгу, полковник пригласил его садиться. Не теряя времени, они заговорили о деле.

– Я читал твою книжку, Эйви, – сказал полковник, когда супруги сели обедать. – Очень хороша. Тебе пришлось раскошелиться, чтоб напечатали?

– Нет, мне повезло. Я послала книжку издателю, и он ее принял.

– На поэзии много не заработаешь, моя дорогая, – сказал полковник со свойственным ему добродушием и сердечностью.

– Да, вероятно. Что сегодня понадобилось от тебя Бэнноку?

Бэннок был тот арендатор, который помешал полковнику читать стихи Эйви.

– Попросил ссудить его деньгами, хочет купить породистого бычка. Он славный малый, и скорее всего я дам ему денег.

Джордж Пилигрим видел, что Эйви не желает говорить о своей книжке, и без сожаления переключил тему. Как хорошо, что на титуле она поставила свою девичью фамилию. Конечно, вряд ли ее книжка попадется кому-то на глаза, но уж очень он гордился собственной необычной фамилией, и ему бы совсем не понравилось, если бы какой-то ничтожный писака высмеял поэтические опыты Эйви в одной из газет.

Прошло несколько недель, а он так и не задал ей ни единого вопроса о ее рискованной затее со стихами: ему казалось, это было бы бестактно, сама же она ни разу о них не заговорила. Словно то был эпизод довольно сомнительного свойства, о котором оба молча согласились не упоминать. Но потом произошла странная история. Он поехал в Лондон по делу и пригласил Дафну поужинать с ним. Дафной звали его любовницу, с которой он обычно приятно проводил несколько часов всякий раз, как бывал в городе.

– Послушай, Джордж, эту самую книгу, о которой все говорят, написала твоя жена?

– Что это тебе взбрело в голову, скажи на милость?

– Понимаешь, у меня есть один знакомый, он критик. На днях он пригласил меня поужинать, и у него была с собой книжка. «Можешь дать мне что-нибудь почитать?» – спросила я. – «Это у тебя что?» – «Боюсь, тебе будет не по вкусу», – сказал он. – «Это стихи. Я как раз пишу о них». – «Нет, стихи мне ни к чему», – сказала я. «Такой жгучей книжки я, пожалуй, в жизни не читал», – сказал он. – «Раскупают, точно горячие пирожки. На редкость хороша».

– Кто автор? – спросил Джордж.

– Какая-то женщина по фамилии Гамильтон. Мой приятель сказал, это не настоящая ее фамилия. А настоящая – Пилигрим. «Это ж надо, – говорю. – Я знаю одного Пилигрима». – «Он полковник, – говорит. – Живет поблизости от Шеффилда».

– Лучше б ты не болтала обо мне со своими приятелями, – досадливо нахмурился Джордж.

– Не лезь в бутылку, мой милый. За кого ты меня принимаешь? Я ему сразу сказала: нет, это не он. – Дафна захихикала. – А мой приятель говорит: «Я слышал, он тупица, каких свет не видал».

Юмора Джорджу было не занимать.

– Могла бы ответить и получше, – со смехом сказал он. – Напиши моя жена книгу, наверное, я бы узнал об этом первый, как по-твоему?

– Да уж наверно.

Так или иначе, все это было ей совсем не интересно, и, когда полковник заговорил о другом, она про это забыла. Он тоже выкинул из головы. Пустое, решил он, и дуралей критик просто подшутил над Дафной. Забавно было бы, если б она вцепилась в книжку – ведь ей было сказано: книжка жгучая – и увидела, что там только нелепая болтовня, разбитая на строки разной длины.

Полковник был членом нескольких клубов и на другой день решил пообедать в одном из них на Сент-Джеймс-стрит. В Шеффилд он намерен был возвратиться дневным поездом. До того как пройти в ресторан, он расположился в удобном кресле и потягивал херес. Тут к нему подошел его давний приятель.

– Как жизнь, старина? – спросил он. – Как тебе нравится быть мужем знаменитости?

Джордж Пилигрим посмотрел на приятеля. Ему показалось, что у того в глазах пляшут веселые огоньки.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил он.

– Брось, Джордж. Все знают, что Э.К. Гамильтон – твоя жена. Стихи нечасто пользуются таким успехом. Знаешь, со мной обедает Генри Дэшвуд. Он был бы рад с тобой познакомиться.

– Кто он такой, этот Дэшвуд, и какого черта он хочет со мной познакомиться?

– Ну, мой дорогой, на что ж ты транжиришь время там, в поместье? Генри чуть ли не лучший наш критик. Он написал замечательную рецензию на книгу Эйви. Уж не хочешь ли ты сказать, что она тебе ее не показала?

Джордж еще не успел ответить, как его приятель окликнул какого-то господина. Высокий, сухощавый, сутулый, с бородкой, длинным носом и высоким лбом, он был из тех, кого Джордж был готов невзлюбить с первого взгляда. Их представили друг другу, и Генри Дэшвуд сел.

– Миссис Пилигрим, случайно, не в городе? Я был бы счастлив с ней познакомиться, – сказал он.

– Нет, жена не любит Лондон. Она предпочитает загородную жизнь, – холодно ответил Джордж.

– Она написала мне очень милое письмо по поводу моей рецензии. Я был рад. Видите ли, нашему брату критику достаются все больше пинки да тумачи. Ее книга меня буквально сразила. Так все свежо, оригинально, очень современно и при том не заумно. Она, мне кажется, одинаково свободно владеет и верлибром, и классическими размерами. – Тут он спохватился: ведь он критик, ему сам бог велел ее покритиковать. – Случается, ей слегка изменяет слух, но с таким же успехом это можно сказать и об Эмили Дикинсон. Есть у нее к тому же несколько коротких стихотворений, словно написанных Лендором.

Для Джорджа Пилигрима это была просто тарабарщина. А сам Дэшвуд, уж конечно, отвратительный интеллектual. Но полковник был хорошо воспитан и ответил с подобающей любезностью. Генри Дэшвуд продолжал, словно тот не произнес ни слова:

– Но выдающейся книгу делает страсть, она трепещет в каждой строке. Нынешние молодые поэты по большей части так вялы, холодны, безжизненны, уныло интеллектуальны, а тут неприкрытая земная страсть. Такое глубокое, искреннее чувство, разумеется, трагично... да, мой дорогой полковник, как прав был Гейне – свои большие печали поэт избывает в малых песнях. Знаете, когда я читал и перечитывал эти душераздирающие строфы, я нет-нет да и вспоминал Сафо.

Чаша терпения Джорджа Пилигрима переполнилась, и он поднялся.

– Очень мило с вашей стороны так превозносить книжку моей жены. Я уверен, она будет счастлива. Но я должен спешить. Мне надо успеть на поезд, а я хочу еще перекусить.

«Набитый дурак», – с досадой произнес он про себя, поднимаясь по лестнице в ресторан.

Домой он попал к самому ужину, и когда Эйви отправилась спать, пошел к себе в кабинет и стал искать ее книжку. Ему хотелось снова ее перелистать и разобраться, из-за чего подняли весь этот шум, но книжки нигде не было. Должно быть, Эйви ее забрала.

– Вот дурная, – пробормотал он.

Он же сказал ей, книжка, на его взгляд, очень хорошая. Чего еще от него требовалось? Ну да ладно. Полковник зажег трубку и уткнулся в газету, читал, пока не стали слипаться глаза. Но примерно через неделю ему случилось на день поехать в Шеффилд. Там он обедал в своем клубе. И когда почти кончил трапезу, вошел герцог Хэйврел. С этим здешним вельможей полковник, конечно же, был знаком, но только шапочно, и когда герцог подошел к его столику, он удивился.

– Мы так огорчены, что ваша жена не смогла к нам приехать на субботу и воскресенье, – сказал герцог с застенчивой сердечностью. – Мы ожидали весьма интересную публику!

Джордж был поражен. Вероятно, Хэйврелы пригласили их с Эйви на субботу и воскресенье, и Эйви, ничего ему не сказав, отказалась. У него хватило присутствия духа ответить, что он тоже огорчен.

– Будем надеяться, в другой раз нам больше повезет, – сказал герцог и прошествовал дальше.

Полковник Пилигрим был вне себя и, вернувшись домой, тотчас заговорил с женой:

– Послушай, что это за история с приглашением к Хэйврелам? С какой стати ты ответила, что мы не можем приехать? Они никогда еще нас не приглашали, а у них лучшие в округе охотничьи угодья.

– Мне это не пришло в голову, я подумала, тебе там будет скучно.

– Черт возьми, могла бы, по крайней мере, спросить, не хочу ли я поехать.

– Извини.

Он внимательно на нее посмотрел. Что-то в выражении ее лица его смущало. Он нахмурился.

– Меня-то, надеюсь, приглашали? – рявкнул он.

Эйви чуть покраснела.

– Сказать по правде, нет.

– Да ведь это сущее неприличие – приглашать одну тебя.

– Вероятно, они сочли, что общество, которое соберется, не в твоём вкусе. Видишь ли, герцогиня, можно сказать, равнодушна к писателям и прочей подобной публике. У нее должен был быть критик Генри Дэшвуд, и он почему-то хотел со мной познакомиться.

– Ты молодчина, Эйви, что отказалась.

– Иначе я и не могла поступить, – улыбнулась она. И, заколебавшись было, продолжала: – Мои издатели в конце месяца устраивают небольшой прием в мою честь и, разумеется, хотят, чтобы ты тоже был, Джордж.

– Ну уж нет, это не по мне. Если хочешь, в Лондон я с тобой поеду. Там я найду, с кем поужинать.

С Дафной.

– Думаю, ничего интересного на приеме не будет, но они возлагают на него большие надежды. А на следующий день американский издатель, который намерен опубликовать мою книгу, устраивает коктейль в отеле «Кларидж». Мне бы хотелось, чтобы на него ты пришел, если, конечно, не против.

– Боюсь, там будет смертная скука, но если ты в самом деле хочешь, я приду.

– Это было бы очень мило с твоей стороны.

Прием ошеломил Джорджа Пилигрима. Народу тьма. Кое-кто выглядел совсем недурно, многие женщины были очень нарядны, но вот мужчины просто ужасны. Его всем представляли

не иначе, как Джорджа Пилигрима, мужа Э.К. Гамильтон. Мужчинам, кажется, нечего было ему сказать, зато женщины разливались вовсю.

– Вам следует гордиться женой. Правда, замечательная книжка? Знаете, я прочла ее залпом, просто не могла оторваться, а когда кончила, снова принялась читать, во второй раз, с самого начала. Я была просто потрясена.

– За двадцать лет ни одна изданная нами книга стихов не пользовалась таким успехом, – сказал ему английский издатель. – Я в жизни не читал таких рецензий.

– Книга лучше некуда. В Америке произведет фурор, – сказал ему американский издатель. – Дайте время, сами увидите.

Американский издатель послал Эйви большой букет орхидей. Смех да и только, думал Джордж. Всех входящих подвели к Эйви, и они явно говорили ей всякие лестные слова, она же выслушивала их с любезной улыбкой и коротко благодарила. От волнения она слегка разбурячилась, но, кажется, нисколько не была смущена. Джордж воспринимал происходящее как чепуху и блажь, однако с удовлетворением отметил, что держится она наилучшим образом. «Да, одно несомненно, – сказал он про себя. – Она настоящая леди, а ничего подобного, черт возьми, тут больше ни о ком не скажешь».

Он выпил много коктейлей. Но было ему как-то не по себе. Ему казалось, будто кое-кто из тех, кому его представляли, смотрит на него довольно странно, и никак он не мог взять в толк, что бы это значило. В какую-то минуту он проходил мимо двух женщин, сидящих на диване, и ему почудилось, будто они говорят о нем, а едва он их миновал, они, сдаётся ему, захихикали. Когда прием кончился, он был рад-радехонек.

– Ты был просто великолепен, дорогой, – сказала Эйви в такси по дороге в отель. – Ты всех покоришь. Девушки были от тебя просто в восторге, говорили, ты такой красавец.

– Девушки, – с горечью отозвался он. – Старые ведьмы.

– Тебе было скучно, дорогой?

– До смерти.

Эйви сочувственно сжала его руку.

– Надеюсь, ты не против, если мы задержимся и поедем дневным поездом. У меня утром дела.

– Да, конечно. Покупки?

– Кое-что купить я тоже хочу, но мне придется пойти к фотографу. Даже думать об этом неприятно, а они считают, это необходимо. Для Америки, видишь ли.

Джордж Пилигрим ничего не сказал. Но подумал. Подумал, что, когда американцы увидят портрет невзрачной, сухонькой женщины, – а она такова, его жена, – они будут потрясены. Ему всегда казалось, что в Америке любят все шикарное.

Мысль его продолжала работать, и наутро, когда Эйви ушла, он отправился в свой клуб, в библиотеку. Там он проглядел недавние номера литературного приложения к «Таймс», «Нью стейтсмен» и «Спектейтор». Вскоре он нашел рецензии на книжку Эйви. Прочел их не слишком внимательно, однако понял, что они чрезвычайно хвалебные. Потом пошел к книготорговцу на Пиккадилли, где иной раз покупал книги. Надо ее толком прочесть, эту чертову книжку, но спрашивать Эйви, куда она дала экземпляр, который дала ему, не хотелось. Он сам себе купит. Прежде чем зайти в магазин, он посмотрел на витрину, и ему сразу бросились в глаза выставленные там «Когда пирамиды рушатся». До чего же дурацкое название! Он вошел внутрь. Навстречу ему выступил молодой человек и спросил, чем может быть полезен.

– Нет, ничего не надо, просто хочу осмотреться. – Ему неловко было спрашивать книжку Эйви, и он подумал, что сам ее найдет и отнесет к кассе. Но книги нигде не было, и, наконец, заметив подле себя того самого молодого человека, он спросил его нарочито небрежным тоном: – Кстати, а книга «Когда пирамиды рушатся» у вас есть?

– Нынче утром поступило новое издание. Пойду принесу.

Он тотчас вернулся с книжкой в руке. Был он небольшого роста, довольно плотного сложения, с рыжей лохматой копной волос и в очках. Джордж Пилигрим, высокий, с прямой осанкой и отличной военной выправкой, изрядно возвышался над ним.

– Это и есть новое издание? – спросил он.

– Да, сэр. Пятое. По тому, как книга продается, можно подумать, это роман.

– А как вы полагаете, почему такой успех? – не сразу решился спросить Джордж Пилигрим. – Мне всегда говорили, поэзию никто не читает.

– Все правильно, сэр, да книга уж больно хорошая. Я ее прочел. Публике нравится сама история. – Речь этого, несомненно, культурного молодого человека выдавала в нем кокни, и Джордж невольно стал смотреть на него свысока. – Она, знаете ли, такая сексуальная, а еще и трагическая.

Джордж слегка нахмурился. Юнец, кажется, довольно развязен, пришел он к заключению. Никто ведь ему и слова не сказал, будто в этой чертовой книжке есть какая-то история, и из рецензий это тоже не следовало.

– Разумеется, это только мимолетный успех, если вы понимаете, что я имею в виду, – продолжал юнец. – Я так представляю, ее словно бы вдохновил собственный опыт, как Хаусмена, когда он писал «Шропширского парня». Больше она никогда ничего не напишет.

– Сколько стоит книга? – холодно спросил Джордж, чтобы положить конец болтовне. – Заворачивать не надо, я суну в карман.

Ноябрьское утро выдалось сырое, и он был в пальто.

На вокзале он купил газеты и журналы, и они с Эйви удобно расположились друг против друга в вагоне первого класса и читали.

В пять вечера они пошли в вагон-ресторан выпить чаю и немного поболтали. Поезд прибыл на их станцию. Там их ожидал автомобиль, и они поехали домой. Они приняли ванну, переоделись к ужину, а после ужина, сославшись на усталость, Эйви пошла спать. По своему обыкновению, она поцеловала его в лоб. Тогда он вышел в холл, вынул из кармана пальто книжку Эйви и в кабинете принялся ее читать. Стихи он читал не без труда, и хотя читал внимательно, ничего не пропуская, впечатление у него было довольно смутное. Тогда он опять начал сначала, во второй раз. Он читал с возрастающим чувством неловкости, но был он отнюдь не тупица и, когда кончил, ему было уже яснее ясного, о чем тут речь. Часть книги была написана верлибром, часть традиционными размерами, но историю, о которой в ней рассказывалось, мог связать и понять даже дурак. Речь шла о страстной любви немолодой замужней женщины и молодого человека. Джордж Пилигрим разобрался в происходившем шаг за шагом с такой же легкостью, как если бы производил арифметическое сложение.

Написанная от первого лица, книжка начиналась с трепетного удивления женщины, молодость которой позади, когда ей открылось, что в нее влюблен молодой человек. Она не сразу поверила. Ей казалось, она обманывается. И она пришла в ужас, когда внезапно осознала, что и сама страстно в него влюблена. Она говорила себе: это нелепо. Если она поддастся своему чувству, при разнице в возрасте между ними она будет несчастлива, ничего другого тут ждать не приходится. Она пыталась помешать ему открыться, но настал день, когда он признался, что любит ее, и вынудил ее признать, что и она его любит. Он умолял ее бежать с ним. Она не могла оставить мужа, свой дом; и что за жизнь им предстоит – ведь она уже в годах, а он так молод? Разве можно надеяться, что его любовь не мимолетна? Она молила пощадить ее. Но его любовь не знала промедления. Он желал ее, желал всем сердцем, и наконец, дрожащая, испуганная, испытывая неодолимое стремление к нему, она уступила. Настала пора самозабвенного счастья. Мир повседневности, унылый, однообразный мир, засиял всеми цветами радуги. С ее пера хлынули любовные песни. Женщина боготворила молодое, исполненное мужской прелести тело своего возлюбленного. Джордж густо покраснел, когда она превозносила его широкую грудную клетку и узкие бедра, красивые ноги и плоский живот.

Жгучая книжка, сказал приятель Дафны. Да, так и есть. Омерзительно.

В нескольких небольших стихотворениях она сетовала на пустоту своей жизни после того, как он, что непременно случится, покинет ее, но блаженство, которое она испытала, стоит любых уготованных ей страданий, возглашала она под конец. Она писала о долгих трепетных ночах, которые они проводили вместе, об истоме, убаюкивающей их в объятиях друг друга. Писала об упоении украденных мгновений, когда, бросая вызов опасности, они отдавались во власть обуревавшей их страсти.

Она думала, это будет мимолетный роман, а он чудом длился и длился. В одном из стихотворений упоминалось, что прошло три года, но любовь, заполонившая их сердца, не слабеет. Похоже, он по-прежнему звал ее бежать с ним в далекую даль – в затерявшийся среди холмов итальянский городок, на греческий остров, в окруженный стенами тунисский город, где они всегда могут быть вместе, – потому что в другом стихотворении она умоляет его оставить все как есть. Счастье их было ненадежно. Возможно, оттого в их любви и сохранялся так долго первоначальный волшебный пыл, что им приходилось преодолевать трудности, а еще оттого, что так редки были их встречи. Потом молодой человек внезапно умер. Как, где, когда, Джордж не смог уразуметь. Дальше следовало длинное душераздирающее стихотворение, исполненное безмерного горя, горя, которому она не могла позволить себе предаться, которое вынуждена была таить. Приходилось быть веселой, устраивать званые ужины и выезжать на приемы, вести себя как ни в чем не бывало, хотя свет, освещавший ее жизнь, угас и она жестоко страдала. В самом последнем стихотворении, состоящем из четырех строф, охваченная печалью женщина писала, что смирилась со своей потерей, благодарила темные силы, что правят судьбой человека, за выпавшее на ее долю, пусть ненадолго, величайшее счастье, о котором мы, бедняги, можем только мечтать.

Когда Джордж Пилигрим наконец закрыл книгу, было три часа ночи. Ему казалось, что он в каждой строке слышал голос Эйви, снова и снова наталкивался на обороты речи, которые не раз слышал из ее уст. Были там и разные мелочи, знакомые ему не хуже, чем ей. Сомнений быть не могло, она рассказала свою собственную историю. У нее, конечно же, был любовник, и этот любовник умер. Джордж Пилигрим испытывал не столько гнев, не столько ужас или растерянность, хотя был растерян и ужасался, сколько величайшее изумление. Чтобы у Эйви был роман, да еще такой страстный, – это просто невообразимо, все равно как если бы форель, самая красивая из всех, какие попадались ему на крючок, и выставленная в стеклянной витрине над камином у него в кабинете, вдруг вильнула хвостом. Теперь он понимал, что означал радостно удивленный взгляд того человека, с которым разговаривал в клубе, понимал, почему, когда Дафна говорила о книге, она словно над чем-то потешалась, и почему хихикали те две дамы на коктейле, когда он прошел мимо них.

Его бросило в пот. Потом вдруг охватила ярость, он вскочил; хотел было кинуться будить Эйви, требовать от нее объяснений. Но у дверей остановился. А какие, собственно, у него доказательства? Ее книга? Он вспомнил, как сказал Эйви, что, на его взгляд, книжка очень недурна. Он, правда, ее не читал, но ведь сделал вид, будто прочел. Признаться в этом – значит выставить себя совершенным идиотом.

– Надо действовать осмотрительно, – пробормотал он.

Он решил два-три дня повременить и все обдумать. И тогда будет ясно, что делать. Он отправился спать, но долго не мог уснуть.

«Эйви, – снова и снова повторял он про себя. – Подумать только, ай да Эйви».

Наутро они, по обыкновению, встретились за завтраком. Эйви была такая же, как всегда, – спокойная, серьезная, сдержанная женщина средних лет, которая не старается выглядеть моложе, чем есть, женщина, в которой нет и намека на то, что он по сей день называл «изюминкой». Он смотрел на нее, как не смотрел уже многие годы. Она была, по обыкновению,

безмятежно-невозмутима. Бестревожен был взгляд ее светло-голубых глаз. Чело ее было ясно, ни признака вины. Как всегда, она говорила о пустяках.

– Так славно после двух суматошных дней в Лондоне вновь оказаться на природе. Какие у тебя планы на утро?

Просто непостижимо.

Три дня спустя он поехал к своему поверенному. Генри Блейн был не только старым другом Джорджа, но и его юристом. У поверенного было имение неподалеку от Пилигрима, и они годами охотились в угодьях друг друга. Два дня в неделю Генри Блейн был помещиком, а остальное время – деятельным юристом в Шеффилде. Высокий, крепкий, громкоголосый, хохотун, он, по всей вероятности, хотел, чтобы его воспринимали главным образом как охотника и доброго малого и лишь изредка как юриста. Но он был проницателен и обладал житейской мудростью.

– Так с чем ты сегодня пожаловал, Джордж? – пророкотал он, когда полковник появился у него в кабинете. – Хорошо провел время в Лондоне? Я на следующей неделе везу туда на несколько дней свою половину. Как Эйви?

– О ней-то я и пришел поговорить, – сказал Пилигрим, бросив на него подозрительный взгляд. – Ты ее книжку читал?

В последние дни, когда его одолевали тревожные мысли, он воспринимал все с особой остротой и сейчас не сомневался, что выражение лица поверенного чуть изменилось. Тот словно вдруг насторожился.

– Да, читал. Какой успех, а? Подумать только, чтоб Эйви ударилась в поэзию. Чудеса не переводятся.

Джордж Пилигрим чуть не вышел из себя.

– Но из-за этой книги я выгляжу полным идиотом.

– Ну что за ерунда, Джордж. Не вижу ничего плохого в том, что Эйви написала книгу. Тебе следовало бы всю ее гордиться.

– Не говори чепухи. Это ж ее собственная история. Ты это знаешь, и все прочие тоже. Вероятно, один я не знаю, кто был ее любовником.

– Существует такая штука, как воображение, старина. Вполне можно предположить, что она все это сочинила.

– Послушай, Генри, мы с тобой знакомы с пеленок. Нас связывает много всякого хорошего. Пожалуйста, не лукавь. Можешь ты, глядя мне в глаза, сказать, что веришь, будто эту историю она сочинила?

Генри Блейн смущенно заерзал в кресле. Его встревожило прозвучавшее в голосе старины Джорджа отчаяние.

– Ты не вправе задавать мне подобный вопрос. Спроси Эйви.

– Не решаюсь, – после мучительной паузы ответил Джордж. – Боюсь, она скажет правду. В комнате повисло неловкое молчание.

– Кто этот субъект?

Генри Блейн посмотрел Джорджу прямо в глаза.

– Не знаю, а если бы и знал, тебе не сказал бы.

– Ты свинья. Неужели ты не понимаешь, в каком я положении? Думаешь, очень приятно, когда тебя выставляют на посмешище?

Поверенный зажег сигарету и минуту-другую молча попыхивал ею.

– Не представляю, чем я могу тебе помочь, – сказал он наконец.

– У тебя, вероятно, есть частные сыщики, которых ты нанимаешь в случае надобности. Поручи им это дело, и пусть все разузнают.

– Мало радости, старина, пускать сыщиков по следу собственной жены. Но предположим на минуту, что у Эйви и вправду был роман. С тех пор прошли годы, и теперь вряд ли можно хоть что-то разузнать. Они, похоже, очень старательно заматали следы.

– Мне все равно. Поручи это сыщикам. Я хочу знать правду.

– Я не стану это делать, Джордж. Если ты так решил, обратись лучше к кому-нибудь другому. И послушай, Джордж, даже если ты получишь доказательства, что Эйви была тебе неверна, как ты поступишь? Если вздумаешь разводиться с женой на том основании, что десять лет назад она тебе изменила, то будешь выглядеть довольно глупо.

– По крайней мере, я смогу с ней объясниться.

– Объясниться можно и сейчас, но тогда она от тебя уйдет, ты это знаешь не хуже меня. Хочешь, чтобы она ушла?

Джордж бросил на него растерянный взгляд.

– Сам не знаю. Я всегда считал, что у меня на редкость хорошая жена. Она превосходно ведет дом, у нас не бывает никаких неприятностей со слугами, она творит чудеса в саду и прекраснейшим образом обходится со всеми деревенскими. Но ведь не могу же я не думать о чувстве собственного достоинства, черт подери. Как жить с ней дальше, когда я знаю, что она была чудовищно неверна мне?

– А ты всегда был ей верен?

– Ну, более или менее. В конце концов, мы женаты почти двадцать четыре года, и в постели Эйви никогда нечем было особенно похвастаться.

Поверенный чуть поднял брови, но Джордж ничего не заметил – был слишком сосредоточен на том, что говорил.

– Не скрою, время от времени я позволял себе поразвлечься. Мужчине без этого не обойтись. Женщины, они устроены по-другому.

– Нам это известно только со слов мужчин, – с едва заметной улыбкой заметил Генри.

– О ком о ком, а об Эйви никогда бы не подумал, что она пустится во все тяжкие. Она ведь женщина утонченная, сдержанная. Что, черт возьми, заставило ее написать эту проклятую книжку?

– Вероятно, это было для нее мучительное испытание, и, быть может, она таким образом облегчила душу.

– Ну хорошо, если уж ей так приспичило это написать, она что, не могла издать книжку под псевдонимом?

– Она взяла свою девичью фамилию. Наверное, полагала, что этого достаточно, и так бы оно и было, если б не этот поразительный ажиотаж.

Джордж Пилигрим и поверенный сидели друг против друга по разные стороны письменного стола. Джордж опирался локтем на стол, щекой на руку и, хмурясь, думал о своем.

– До чего же скверно не знать, что это был за субъект. Даже неизвестно, был ли он джентльмен. То есть, насколько я понимаю, это мог быть и работник в имении, и служащий в адвокатской конторе.

Генри Блейн не позволил себе улыбнуться, и, когда отвечал, в его взгляде были доброта и терпимость.

– Зная так хорошо Эйви, я думаю, на его счет можно не беспокоиться. Во всяком случае, он, конечно же, не служил в моей конторе.

– Я так был потрясен, – со вздохом произнес полковник. – Мне казалось, она меня любит. А эту книжку можно было написать, только если она меня ненавидит.

– Ну нет, в это я не верю. По-моему, ненавидеть она неспособна.

– Не станешь же ты утверждать, будто она меня любит.

– Нет.

– Какое же чувство она ко мне питает?

Генри Блейн откинулся на спинку вращающегося кресла и задумчиво посмотрел на Джорджа.

– Я бы сказал, равнодушие.

Полковника чуть передернуло, и он залился краской.

– Но ты ведь не влюблен в нее, верно?

Джордж Пилигрим ответил уклончиво:

– Для меня было большим ударом, когда я осознал, что у нас не будет детей, но я никогда не давал ей понять, что она обманула мои ожидания. Я всегда хорошо с ней обходился. В разумных пределах старался исполнять свои обязанности по отношению к ней.

Поверенный прикрыл рот своей большой рукой, желая скрыть невольную улыбку.

– Для меня это был ужасный удар, – продолжал Пилигрим. – Будь оно все неладно, даже десять лет назад Эйви была уже не девчонка и, право же, не красавица. Отвратительно. – Он глубоко вздохнул. – А ты, что бы ты стал делать на моем месте?

– Ничего.

Джордж Пилигрим выпрямился на стуле и с каменным лицом строго посмотрел на Генри – такой вид бывал у него, должно быть, когда он производил смотр своего полка.

– Подобную историю я простить не могу. Меня выставили на посмешище. Мне теперь никогда не поднять головы.

– Вздор, – резко возразил поверенный и продолжал мягко и сердечно: – Послушай, старина, этот человек умер, все произошло давным-давно. Забудь про это. Разговаривай со всеми о книжке Эйви, восторгайся ею, говори всем, как гордишься женой. Веди себя так, будто всегда был совершенно уверен в ней, всегда знал, что она никогда, ни в коем случае тебе не изменит. В мире все развивается так стремительно, а людская память так коротка. Все забудут.

– Я не забуду.

– Вы оба не молоды. Она, вероятно, делает для тебя гораздо больше, чем тебе кажется, и без нее тебе будет отчаянно одиноко. По-моему, совершенно не важно, что ты не забудешь. И было бы совсем неплохо, если б тебе удалось переварить в своей тупой башке, что Эйви куда интересней, чем у тебя хватило соображения разглядеть за всю вашу совместную жизнь.

– Черт побери, тебя послушать, так выходит, будто виноват я.

– Нет, я не думаю, что виноват ты, но, боюсь, и она не виновата. Ведь не стремилась же она влюбиться в этого малого. Помнишь самые последние строки в ее книжке? Такое впечатление, что, хотя она потрясена его смертью, она странным образом ее приветствует. Она все время сознавала, как непрочны связующие их узы. Он умер в расцвете своей первой любви и не узнал, как редко ее век длится подолгу, он узнал только ее блаженство и красоту. Эйви испытывала горчайшую печаль, но ее утешала мысль, что горе не коснулось его.

– Все это, пожалуй, выше моего разума, старина, хотя я более или менее понимаю, о чем ты толкуешь.

С несчастным видом Джордж Пилигрим уставился на чернильный прибор на письменном столе. Он молчал, и поверенный смотрел на него удивленно, однако сочувственно.

– Представляешь, каким надо было обладать мужеством, чтобы никогда ничем не выказать, что она ужасно несчастна? – мягко сказал он.

Полковник Пилигрим вздохнул.

– Я сломлен, Генри. Ты, вероятно, прав, бессмысленно махать кулаками после драки; и если я подниму шум, будет только хуже.

– Итак?

Джордж Пилигрим улыбнулся жалкой улыбкой.

– Послушаюсь твоего совета. Ничего не стану делать. Пусть считают меня последним болваном, и черт с ними со всеми. По правде говоря, я совсем не представляю, как бы смог жить

без Эйви. Но вот что я тебе скажу: одного мне нипочем не понять до самого моего смертного часа – что же он все-таки в ней нашел, этот субъект?

Несостоявшиеся жизни⁴

Норман Грэйндж был плантатором. Он встал до рассвета, проверил своих работников, обошел плантацию, чтобы удостовериться, что надрезы на каучуковых деревьях сделаны правильно. Выполнив свой долг, он вернулся домой, помылся, переоделся и принялся за еду – ел он плотно, то был наполовину завтрак, наполовину ленч, на Борнео эту трапезу называли бранчем. Жена сидела напротив. Во время еды он читал. В столовой все было тускло. Эмаль на кастрюльках потерта, графинчик в царапинах, посуда – с отбитыми краями, словом, убогая бедность, но к ней тут привыкли. Букетик цветов украсил бы стол, но до этого явно никому не было дела. Закончив бранч, Грэйндж рыгнул, раскурил трубку, вышел из-за стола и переместился на веранду. Он не замечал жены, словно ее вообще тут не было. Опустился в плетеное кресло и снова принялся читать. Миссис Грэйндж запустила руку в жестянку с сигаретами и закурила, продолжая прихлебывать чай. Вдруг она перевела взгляд на дверь – поднявшись по ступенькам, их слуга в сопровождении двух мужчин – один был даяком, другой китайцем – направился к мужу. Незнакомцы здесь появлялись редко, и миссис Грэйндж не представляла, что нужно этим пришельцам. Встав из-за стола, она подошла к дверям и прислушалась. Она жила на Борнео давным-давно, но ее знания языка хватало только на то, чтобы объясниться с прислугой. Так что она весьма смутно догадывалась, о чем идет речь на веранде. По тону, которым говорил ее муж, она поняла, что он раздражен. Похоже, он задавал вопросы сначала китайцу, потом – даяку; судя по всему, они уговаривали его что-то сделать, а он упирался; наконец с хмурым выражением на лице он поднялся из кресла и вместе с мужчинами сошел с крыльца. Подогретая любопытством, миссис Грэйндж неслышно выскользнула на веранду. Он спускался по дороге вниз к реке.

Пожав худенькими плечами, она направилась к себе. Но спустя мгновение рванулась назад, услышав, что ее зовет муж.

– Веста!

Она вышла на веранду.

– Приготовь постель. У пристани белый человек в лодке. Он очень болен.

– Кто это?

– Откуда мне знать, черт побери! Его только что доставили.

– Но не можем же мы пускать в дом кого попало.

– Замолчи и делай, что сказано.

С этими словами он пошел к реке. Миссис Грэйндж кликнула боя и велела застелить кровать в свободной комнате. Потом встала на верхней ступеньке и принялась ждать. Вскоре она увидела мужа, а с ним даяков, которые несли на матрасе человека. Она посторонилась, чтобы пропустить их, и мельком увидела его бледное лицо.

– Что мне делать? – спросила она у мужа.

– Ступай прочь и помалкивай.

– Какие мы вежливые.

Больного внесли в комнату, даяки и Грэйндж вышли через пару минут.

– Пойду распоряжусь насчет его багажа. Велю отнести в дом. У него есть бой, который о нем позаботится, так что можешь к нему не лезть.

– А что с ним случилось?

– У него малярия, гребцы, что его везли, испугались, что он отдаст концы, и отказались плыть дальше. Его зовут Скелтон.

– Но ведь он не умрет?

⁴ © Перевод. А. Николаевская

– Умрет – похороним.

Но Скелтон не умер. На следующее утро он проснулся и обнаружил, что лежит в постели, под сеткой от москитов. Он представления не имел, где находится. Дешевая железная кровать, жесткий матрас. Но какое удовольствие лежать на нем после лодки! Он ничего не видел, кроме шкафа, грубо сколоченного местным плотником, и деревянного стула. Напротив него была дверь, закрытая пологом, которая, очевидно, вела на веранду.

– Конг! – позвал он.

Отодвинув полог, в комнату вошел его бой. Лицо китайца расплылось в улыбке, когда он увидел, что хозяин вырвался из лап малярии.

– Вам голаздо лучше, хозяин. Я очень лад.

– Куда это меня занесло?

Конг объяснил.

– Багаж в порядке? – спросил Скелтон.

– Да. Канешна.

– А как зовут парня? Хозяина дома?

– Господин Нолман Глэндж.

В подтверждение своих слов он протянул Скелтону небольшую книжку, на которой было выведено «Норман Грэйндж». Скелтон отметил про себя и автора – Фрэнсис Бэкон. Это были его «Опыты». Забавно обнаружить такую книгу в глуши, в верховьях реки на Борнео, в доме плантатора.

– Передай ему, что я буду рад его повидать.

– Хозяина сейчас нет. Сколо велнется.

– Как насчет помыться? И, клянусь Богом, мне нужно побриться.

Скелтон попытался встать с постели, но голова закружилась, и, вскрикнув от растерянности, он рухнул назад. Но Конг побрил и помыл его, поменял рубашу и шорты, в которых тот лежал с того дня, как заболел, на саронг и короткую малайскую курточку. После этого Скелтон тихо лежал и отдыхал. Но вскоре появился Конг с сообщением, что вернулся хозяин дома. Раздался стук в дверь, и в комнату вошел крупный сильный мужчина.

– Я слышал, вам стало получше, – сказал он.

– Да, гораздо. Вы очень великодушны, что взяли меня в таком состоянии к себе. Я свалился на вас, как камень на голову.

Грэйндж ответил резковато:

– Да что в этом такого. Вам было совсем худо. Неудивительно, что даяки захотели от вас избавиться.

– Я не намерен стеснять вас дольше, чем буду вынужден из-за болезни. Если бы удалось нанять мне баркас или лодку, я бы сегодня же днем и отплыл.

– Здесь баркас не нанять. Вам лучше остаться пока у меня. Вы очень слабы.

– Да я боюсь стать для вас чрезмерной обузой.

– Не понимаю почему. У вас свой бой, он вам прислуживает.

Грэйндж только что вернулся после ежедневного обхода плантации, на нем были грязные шорты, рубашка цвета хаки с открытым воротом и старая замасленная широкополая шляпа. В рваной грязной одежде он смахивал на бедного сезонного рабочего. Он снял шляпу, вытер пот со лба; волосы у него были короткие, седые; лицо – красное, широкое, мясистое; большой рот с щеточкой седых усов; короткий задиристый нос; маленькие злые глазки.

– Вы могли бы дать мне что-нибудь почитать? – спросил Скелтон.

– А что бы вы хотели?

– Да все равно, лишь бы не очень заумное.

– Я-то сам не большой поклонник романов, но пару-тройку книг найду. Жена подберет. Наверняка бульварные, но других она не читает. Может, и вам они придутся по вкусу.

Он кивнул и вышел. Не очень любезный господин. Но он явно был очень беден – комната, в которой лежал Скелтон, внешний вид Грэйнджа говорили об этом; может, он работает управляющим в чьем-то поместье, получает гроши, и не исключено, что траты, которые ему придется сделать, принимая у себя гостя со слугой, ему не по карману. В этой глухомани, куда белый человек заглядывает совсем редко, Грэйндж, вероятно, чувствует себя с незнакомцами не в своей тарелке. Есть люди, которые после первого знакомства воспринимаются совсем по-другому. Но его неприятные бегающие глаза приводили в замешательство; они опровергали впечатление, которое производили его красное лицо и массивная фигура, – если б не эти глазки, его можно было бы принять за своего парня, с которым ничего не стоит быстро найти общий язык.

Через какое-то время пришел хозяйский бой со стопкой книг – полдюжины романов, имен их авторов Скелтон никогда и не слышал, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они из себя представляют. Вероятно, их читает мисс Грэйндж. Еще были «Жизнь доктора Джонсона» Босвелла, «Лавенгро» Борроу и «Очерки» Лэма⁵.

Станный подбор. Такие книги едва ли ожидаешь найти в доме плантатора. У большинства плантаторов обычно одна-две полки книг, по большей части детективов. Скелтон питал бескорыстное любопытство к человеческому роду и теперь решил попытаться понять, что за человек Норман Грэйндж, – по книгам, что он прислал, по его внешности, по тем нескольким фразам, которыми они обменялись. Скелтона немного удивило, что его хозяин не заглянул к нему еще раз в тот день; казалось, Грэйнджу вполне достаточно, что он предоставил своему непрошеному гостю стол и кров, и он вовсе не искал его компании. На следующее утро Скелтон почувствовал себя намного лучше, даже встал и с помощью Конга опустился в шезлонг на веранде. Краска на стенах совсем облезла. Бунгало стояло на склоне холма, метрах в сорока от реки. На другом берегу в зарослях деревьев виднелись домишки туземцев на сваях – отделенные от этого берега огромным водным простором, они казались совсем крошечными. Читать подолгу Скелтон пока не мог, после одной-двух страниц он отвлекался, и ему куда приятнее было бесцельно смотреть на медленное течение мутной воды. Внезапно он услышал чьи-то шаги. К нему приближалась миниатюрная пожилая женщина. Он понял, что это миссис Грэйндж, и попытался встать.

– Не вставайте, – сказала она. – Я просто пришла узнать, не надо ли вам чего.

На ней было простенькое голубое хлопчатобумажное платье, которое скорее подошло бы юной девушке, чем женщине ее лет. Короткие волосы всклокочены, словно, встав с постели, она не удосужилась провести по ним гребешком; они были выкрашены в ярко-желтый цвет, но так неаккуратно, что у корней остались седыми. Кожа была сухой, морщинистой, на щеках алели два огромных красных пятна, румяна нанесены неумело, так что их и на секунду нельзя было принять за естественный цвет, помада на губах тоже была намазана кое-как. Но самое странное, что бросалось в глаза, был нервный тик, от которого она дергала головой в сторону, словно приглашала вас войти в дом. Тик мучил ее через определенные промежутки, раза три в минуту, а левая рука почти постоянно находилась в движении: не то чтобы дрожала, но невольно казалось, будто этим быстрым судорожным жестом миссис Грэйндж хочет привлечь внимание к какому-то предмету у себя за спиной. Ее внешность привела Скелтона в замешательство, а нервный тик действовал просто удручающе.

– Надеюсь, я не очень стеснил вас, – сказал он. – Думаю, уже завтра или послезавтра я смогу двинуться в путь.

⁵ Джеймс Босвелл (1740–1795) – английский биограф, автор жизнеописания знаменитого лексикографа, составителя первого толкового словаря английского языка Сэмюэла Джонсона. Джордж Генри Борроу (1803–1881) – английский путешественник, лингвист, писатель-романтик. Чарлз Лэм (1775–1834) – английский эссеист и литературовед.

– Знаете, в наши места гости нечасто наведываются. Так приятно бывает с кем-нибудь побеседовать.

– Может, вы присядете? Я велю бою принести стул.

– Норман не велел вас беспокоить.

– У меня вот уже два года не было случая поговорить с белым человеком. Я истосковался по душевной беседе.

Она резко, быстрее обычного, мотнула головой, а рука дернулась в странном судорожном движении.

– Он вернется не раньше, чем через час. Я сама принесу стул.

Скелтон рассказал ей о себе, о том, чем занимался раньше, но убедился, что она успела расспросить его боя и уже все о нем знала.

– Вы, наверное, мечтаете поскорее вернуться в Англию? – спросила она.

– Не прочь.

Внезапно на миссис Грэйндж словно налетел нервный шторм – другого определения и не подберешь. Голова стала снова неистово дергаться, а рука трястись с такой бешеной скоростью, что Скелтон испугался. Пришлось отвести взгляд.

– Я не была в Англии уже шестнадцать лет, – сказала она.

– Неужели? Я думал, все плантаторы бывают на родине как минимум раз в пять лет.

– Мы не можем себе этого позволить, ведь мы разорены. Норман вложил все до последнего фунта в эту плантацию, а дохода от нее не было несколько лет. Те крохи, что мы на ней зарабатываем, едва спасают от голодной смерти. Но Нормана, конечно, не волнует, что он не может поехать в Англию. На самом-то деле он не англичанин.

– А выглядит как типичный англичанин.

– Он родился в Сараваке. Его отец был на государственной службе. Норман скорее уроженец Борнео.

И вдруг она расплакалась. Как тяжело было видеть эти слезы, текущие по морщинистым крашеным щекам женщины, которую непрестанно терзал тик. Скелтон не знал, что сказать, что сделать. И выбрал самое разумное – промолчал. Она вытерла глаза.

– Вы, верно, решили, что я старая дура. А я диву даюсь, как после всех этих лет не разучилась плакать. Наверное, такая уж уродилась. Мне ничего не стоило расплакаться на сцене.

– О, вы играли на сцене?

– Да, до замужества. Так я и познакомилась с Норманом. Мы выступали в Сингапуре, а он приехал туда в отпуск. Мне, наверное, никогда не увидеть Англии. До самой смерти суждено оставаться здесь и каждый день глядеть на эту проклятую реку. Никогда не выбраться отсюда. Никогда.

– А как вы оказались в Сингапуре?

– Это случилось вскоре после окончания войны, я не могла найти ничего подходящего в Лондоне. К тому времени я уже много лет выступала на сцене, мне до смерти надоело играть проходные роли, и вот однажды мой антрепренер сказал, что некий Виктор Пэлес набирает труппу для турне по Востоку. Его жена играла все главные роли, но мне предложили вторые. У них в репертуаре было полдюжины пьес – комедий и фарсов. Мне пообещали скромное жалованье, но они собирались выступать в Египте, Индии, на Малайских островах, в Китае и в Австралии. Таким образом, представился шанс посмотреть мир, и я приняла предложение. В Каире мы выступили неплохо, в Индии, кажется, тоже кое-что заработали, но в Бирме не имели особенного успеха, а в Таиланде было и того хуже. Пенанг оказался полным провалом, другие города Малайской Федерации – то же самое. Так вот, однажды Виктор собрал труппу и объявил, что обанкротился и у него нет денег для поездки в Гонконг, потому что наши гастроли ничего, кроме убытков, не принесли, ему очень жаль, но нам предстоит самим добираться домой. Конечно, мы заявили ему, что он не посмеет нас бросить. Вы не представляете, какой

поднялся гвалт. Короче говоря, он сказал, что мы можем взять декорации и реквизит, если думаем, что нам это поможет, ну а деньги требовать бессмысленно, потому что у него нет ни гроша. А на другой день мы обнаружили, что они с женой, не сказав никому ни слова, сели на французский корабль и смотались. Я, честно говоря, была просто в шоке. У меня осталось всего несколько фунтов, которые удалось сэкономить, – и больше ничего; кто-то сказал мне, что раз мы оказались на мели, правительство обязано обеспечить нам возвращение домой, но только в каютах четвертого класса, я на такое не решилась. Мы выступили перед журналистами, объявили о том, в какое попали положение, и нам посоветовали дать бенефис, чтобы сделать сбор. Что ж, мы устроили бенефис, но без Виктора и его жены нам удалось собрать очень мало, а после того, как мы оплатили все счета, у нас осталось даже меньше, чем было до этого. Я, понятно, была в отчаянии. Тут как раз подвернулся Норман и сделал мне предложение. Самое смешное, что мы были едва знакомы. Однажды он покатал меня на машине по острову, два-три раза приглашал в европейский ресторан на чай и танцы. Мужчины редко делают что-нибудь бескорыстно, он, видно, хотел немного со мной поразвлечься, но я была девушка искушенная и понимала, что ему-то меня не провести. Но когда он сделал мне предложение, я просто ушам своим не поверила. Он сказал, что у него на Борнео небольшое поместье и, если немного потерпеть, у нас будет куча денег. Поместье на берегу красивой реки, а кругом – джунгли. В его рассказе все звучало так романтично. Время бежало, мне было уже тридцать, найти работу становилось все труднее, так что перспектива стать хозяйкой собственного дома – да и прочие преимущества – была весьма соблазнительна. Не придется больше обивать пороги антрепренеров. Не придется мучиться по ночам бессонницей, гадая, где взять деньги заплатить за квартиру. В те годы он выглядел неплохо – загорелый, мощный, мужественный. Никто не упрекнет меня, что я вышла замуж по расчету. – Внезапно она замолчала. – Это он! Не говорите, что виделись со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.